

**АВСТРАЛИЯ
И
ОКЕАНИЯ**

ИСТОРИЯ

И

СОВРЕМЕННОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ
СОВЕТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ТИХООКЕАНСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ

Австралия и Океания

(ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва, 1970

В. Р. Кабо

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

Успешное изучение этногенеза любого народа возможно лишь на основе комплексного метода, предполагающего широкое использование данных различных наук — антропологии, геологии, геоморфологии и палеогеографии, археологии, этнографии, лингвистики и собственно истории. В ходе такого комплексного, синтетического исследования различные группы источников взаимно дополняют и коррелируют друг друга. Комплексный метод особенно необходим при изучении этногенеза народа, история которого не отражена в письменных памятниках. Реконструкция далекого прошлого такого народа поэтому особенно сложна. К числу таких народов принадлежат и аборигены Австралии.

Для изучения древнейшего прошлого австралийских аборигенов особенно большое значение имеют данные археологии. В свою очередь исследование этнографических комплексов, которые, как будет показано дальше, можно рассматривать как древнейшие по своему происхождению, освещает культуру палеоавстралийцев полнее, чем это возможно на основе только археологических данных.

Значение проблемы этногенеза австралийцев, прежде всего, в том, что мы имеем дело с народом, историю которого можно проследить с эпохи позднего палеолита и культура которого до недавнего времени сохраняла немало глубоко архаических особенностей, восходящих к далекому палеолитическому и мезолитическому прошлому человечества.

В наши дни изучение истории народов, в прошлом третированных как «дикари», приобретает особое значение. Одна из важнейших задач, стоящих перед исторической наукой, показать, что эти народы имеют свою историю, что они способны к прогрессу, что их отсталость объясняется не их неполноценностью, а объективными общественно-историческими условиями. Комплексное изучение самобытной культуры аборигенов Австралии свидетельствует, что в целом, несмотря на сохранение некоторых архаических элементов, она на протяжении мно-

гих тысячелетий непрерывно развивалась. И хотя австралийцам, как мы увидим далее, довелось пережить глубокий культурный кризис, связанный главным образом с катастрофическими изменениями природных условий, развитие их культуры продолжалось, хотя и более замедленными темпами.

На протяжении многих лет в Австралии и за ее пределами господствовало убеждение, что аборигены не способны к культурному развитию и что история Австралии, по существу, началась лишь с ее колонизации европейцами. Новейшие исследования подтвердили ошибочность этого мнения. Теперь неопровержимо доказано, что австралийцы, начиная с палеолита и кончая ранним неолитом, проходили те же стадии развития, которые были пройдены и другими народами, одними раньше, другими позже. Обобщение результатов новейших археологических открытий позволяет проследить в общих чертах историю австралийских аборигенов и их культуры от заселения ими Австралии до европейской колонизации путем деления истории австралийцев на три периода — ранний, средний и поздний — с указанием для каждого периода его приблизительных хронологических границ. Теперь у нас есть возможность расположить археологические культуры Австралии в относительной хронологической последовательности, а данные радиоуглеродных исследований намечают для них и ряд абсолютных вех.

Но, прежде чем обратиться к археологическим памятникам, открытым на территории Австралии, посмотрим, как решается сегодня вопрос о появлении неантропов на территории обширного географического ареала, лежащего к югу и юго-востоку от материковой части Юго-Восточной Азии и включающего Австралию с окружающими ее островами. Ведь Австралия была заселена современными людьми, неантропами. На этом континенте отсутствуют какие-либо следы архантропов и палеоантропов — древнейших и древних людей.

Для понимания древнейшего прошлого этой части ойкумены большое значение имеют раскопки в Большой ниаской пещере на севере Калимантана, в Индонезии, где в 1958 г. был найден череп человека современного типа. Многие антропологические особенности сближают его с древними и современными австралийцами. Абсолютный возраст местонахождения, по данным радиоуглеродного анализа, составляет $39\,600 \pm 1000$ лет¹. Приблизительно тем же временем (от 40 тыс. до 30 тыс. лет тому назад) датируются найденные в той же пещере чопперы и орудия на отщепках, напоминающие орудия палеолитической индустрии, открытой в долине р. Соан на севере Панджаба, в Северо-Западной Индии. В то же время эти орудия типологически близки к древнейшим археологическим культурам Австралии и примерно совпадают по времени с предполагаемым началом заселения Австралийского континента (около 30 тыс. лет тому назад).

К позднему палеолиту относится и черепная крышка, найденная в пещере Табон на о-ве Палаван (Филиппины). Она также принадлежала неантропу и обладала некоторыми австралондными особенностями. Абсолютный возраст находки $30\ 500 \pm 1100$ лет². Тот же возраст имеет обнаруженная здесь палосолитическая индустрия на отщепях.

Обе находки — череп из Ниа и палаванская черепная крышка — показывают, что неантропы — протоавстралонды — населяли островную часть Юго-Восточной Азии 30—40 тыс. лет тому назад. В плейстоцене острова Калимантан и Палаван составляли одно целое с материком.

По-видимому, тогда же на Яве обитали неантропы, от которых дошли до нас два черепа, обнаруженные еще в прошлом веке вблизи Ваджака. Геологический возраст их точно не установлен, но, подобно людям из Ниа и с о-ва Палаван, они жили, вероятно, в эпоху последнего оледенения. Е. Дюбуа отметил австралондный характер этих черепов, причем Ф. Вейденрейх сблизил их с найденным в Австралии черепом из Кейлора. Последний морфологически близок и к человеку из Ниа.

Таким образом, в конце плейстоцена, в палеолите, ныне островная часть Юго-Восточной Азии была населена протоавстралондами, вероятными предками современных аборигенов Австралии. Вместе с тем человек из Ниа — современник древнейших неантропов Европы и других частей света. Насколько позволяют судить современные данные, начало позднего палеолита и появление сформировавшегося неантропа относится к эпохе, отстоящей от нас примерно на 40 тыс. лет назад. Возраст костных останков неантропа из Юго-Восточной Азии показывает, что и эта часть света входила в зону сапиентации. Таким образом, человек современного типа появился около 40 тыс. лет тому назад на пространствах, простирающихся от Африки и Западной Европы до Юго-Восточной Азии.

Заселение Австралии началось, по-видимому, около 30 тыс. лет тому назад. Культура палеоавстралийцев имела еще палеолитический облик, свойственный культуре древнейших неантропов Южной и Юго-Восточной Азии. Об этом свидетельствуют датированные с помощью радиоуглеродного анализа археологические месторождения, открытые на территории Австралии в последние годы.

К числу древнейших дат, связанных с археологическими местонахождениями Австралии, относится дата, полученная для стоянки на оз. Менинди (Новый Южный Уэльс). — $26\ 300 \pm 1500$ лет³. Долгое время она оставалась самой ранней. Все остальные были более поздними, причем древнейшими из них были даты, полученные для той же стоянки у оз. Менинди ($18\ 800 \pm 800$ лет), для археологического местонахождения в пещере Купалда, на юге Австралии ($18\ 200 \pm 550$ лет) и для упомянутого выше палеоантропологического местонахождения в рай-

оне Кейлора, на юго-востоке Австралии (от $15\,000 \pm 1500$ до $18\,000 \pm 500$ лет)⁴. И все же можно было предположить, что заселение Австралии началось значительно раньше, так как все названные здесь местонахождения расположены на юге континента, а заселялся он, несомненно, с севера. Коренное население Австралии ведет свое происхождение, видимо, от сравнительно небольшой группы или нескольких небольших групп палеоавстралийцев — об этом говорят, прежде всего, своеобразные и однородность сочетания групп крови у австралийцев. Единственным стимулом для расселения могло быть только значительное увеличение численности населения и, как следствие этого, нарушение баланса между ним и продовольственными ресурсами охотничье-собираТЕЛЬСКИХ территорий. Принимая все это во внимание, а также то, что, согласно данным палеоантропологии, предки австралийцев принадлежали к одной из арханческих форм неантропа, автор настоящей статьи еще в 1961 г. высказал предположение, что заселение Австралии началось примерно 20—25 тыс. лет тому назад (дата, относящаяся к стоянке Менинди, тогда еще не была известна)⁵.

Предположение о столь раннем заселении Австралии, высказанное на основании теоретических соображений, подтверждается теперь не только датой, относящейся к стоянке Менинди, но и серией других дат, относящихся к местонахождениям из различных областей Австралии и опубликованных в последнее время. Так, возраст одного из археологических местонахождений в районе Кейлора составляет $31\,600 \pm 1100$ лет.

Другая дата для того же археологического комплекса — $24\,000 \pm 3300$ лет. Для археологических местонахождений в Оэнпелли на п-ове Арнхемленд, на севере Австралии, в числе прочих получены даты $24\,800 \pm 1600$ лет и $22\,900 \pm 1000$ лет⁶. Для пещеры Куналда (Южная Австралия) имеется теперь новая дата — $31\,000 \pm 1650$ лет, причем культурный слой продолжается ниже датированного горизонта⁷.

В отличие от более поздних, древнейшие археологические культуры Австралии еще отражают воздействие палеолитических, позднее — мезолитических культур Южной и Юго-Восточной Азии, с древним населением которых генетически и культурно связано и раннее население Австралии. Часть этих древних культурных традиций палеоавстралийцы принесли с собой, часть проникла к ним, когда они уже заселили Австралию, в результате культурных связей, продолжавшихся вплоть до начала голоцена.

Палеолитические традиции Южной и Юго-Восточной Азии в той или иной мере представлены во всех древнейших австралийских археологических культурах. Мы находим здесь чопперы и орудия типа «лошадное копыто», клетонские и леваллуазские отщепы, чоппинги-бифасы и ручные рубила шелльского

типа, в упомянутой уже пещере Куналда и в террасах кейлорской речной системы — проторубила и ашельские ручные рубила, в культурах Восточной Австралии и Тасмании — своеобразную индустрию на отщепях, напоминающую палеолитическую индустрию, открытую в последние десятилетия в Индии и получившую название невазийской. Принимая во внимание генетические связи австралийцев с народами Южной Азии, мы можем с полным правом усматривать и в палеолите Индии, в том числе в невазийской индустрии, один из возможных источников древнейших австралийских археологических культур.

Наряду с этим в древнейших культурах Австралии представлены следы и более поздних, мезолитических традиций Юго-Восточной Азии — суматралиты, монофасы типа арапия и другие типы орудий, характерные для хоабиньской и типологически близких ей культур Юго-Восточной Азии. Таким образом, географические связи древнейших и последующих австралийских культур с азиатским культурно-историческим миром простирались через Новую Гвинею и Индокитай вплоть до Северо-Западной Индии.

Несмотря на огромные расстояния в пространстве и нередко во времени, отделяющие древнейшие австралийские археологические культуры от палеолитических и мезолитических культур Южной и Юго-Восточной Азии, таких, как соанская и невазийская индустрии Индии, ратнапурская индустрия Цейлона (открытая также в последние годы), патжитанская культура Явы, хоабиньская культура Индокитая, мы все же имеем основания усматривать в последних источники культурных традиций, наложивших отпечаток на культуру древнейшего населения Австралии.

На этом фоне совершенно неожиданным представляется лишь открытие на севере Австралии, в Оэмпелли, в горизонтах, имеющих возраст примерно 23—25 тыс. лет и характеризующихся в целом очень архаичной индустрией, отшлифованных по рабочему краю топоров такого типа, какие в Юго-Восточной Азии появляются лишь в конце мезолита и раннем неолите, в бакшонской культуре Индокитая. В других областях Австралии такие топоры появляются (сначала в незначительном количестве) примерно 7 тыс. лет тому назад на севере и 4 тыс. лет тому назад на востоке континента.

Все это заставляет относиться к сенсационному открытию отшлифованных по рабочему краю топоров в комплексах столь раннего возраста с особой осторожностью. Напрашивается предположение, что орудия эти попали сюда из позднейших горизонтов, тем более что и там встречаются такие же топоры, сделанные из того же материала (порфира). Однако, как сообщает К. Уайт, которой принадлежат раскопки в Оэмпелли, открытые ею стоянки изучались тремя геоморфологами из различных учреждений Австралии, и все они пришли к единодуш-

ному заключению, что отложения, содержащие топоры, не потревожены и что орудия и древесный уголь, взятый для анализа, найдены *in situ*. Кроме того, в тех же горизонтах найдены многочисленные отходы порфира, некоторые со следами шлифования, а, помимо топоров, других орудий из того же материала не обнаружено⁸.

Можно было бы усомниться и в правильности абсолютных датировок, но они подтверждаются серией аналогичных дат, в разное время полученных для тех же местонахождений.

Открытие, сделанное в Оэнпелли,— если оно не будет опровергнуто дальнейшими исследованиями — совершенно по-новому освещает проблему возникновения отшлифованных орудий на территории Юго-Восточной Азии и прилегающего культурно-исторического мира. Оно означает, что шлифование каменных орудий было известно австралийцам примерно 25 тыс. лет тому назад, что возникло оно в Австралии, видимо, совершенно конвергентно и что шлифование орудий может возникнуть в глубоко архаичной, палеолитической по своему характеру культуре.

Итак, заселение Австралии началось еще в плейстоцене, в палеолитическую эпоху, когда она была связана с Юго-Восточной Азией материковыми мостами, азиатским и австралийским континентальными шельфами и проливы между ними не были непреодолимым препятствием даже для людей, обладавших крайне примитивными средствами навигации. Этот факт, недавно еще дискуссионный, теперь можно считать доказанным. А он, в свою очередь, очередью, по-новому освещает проблему происхождения австралийской культуры в целом, так как теперь уже очевидно, что палеоавстралийцы принесли на континент Австралии культурные традиции, свойственные населению Южной и Юго-Восточной Азии эпохи палеолита. Анализ древнейших австралийских археологических культур подтверждает это.

Новейшие археологические открытия на территории Австралии ставят под сомнение нередко высказываемое мнение, что заселение внутренней Австралии, которая в настоящее время является зоной пустынь и полупустынь, произошло очень поздно, чуть ли не в эпоху европейской колонизации. В действительности, заселение внутренней Австралии началось, видимо, еще в плейстоцене. Правда, в Центральной Австралии древние стоянки пока не найдены. Но пещера Куналда, как мы знаем, была населена уже 18 тыс. лет тому назад, если не раньше, а она расположена в одной из областей внутренней Австралии. То же относится и к стоянке у оз. Менинди, расположенной на западе Нового Южного Уэльса. Дело в том, что в плейстоцене условия естественного географической среды были иными, чем теперь,— они благоприятствовали освоению и заселению людьми всего Австралийского континента, включая и его внутренние области, превратившиеся в зону пустынь и полупустынь лишь

в период термического максимума (от 7 тыс. до 4 тыс. лет тому назад).

Спорным следует признать и довольно распространенное представление о сравнительно позднем происхождении тасманийцев из Меланезии⁹. Данные радиоуглеродного анализа, связанные с археологическими местонахождениями Тасмании, показывают, что этот остров был населен уже 9 тыс. лет тому назад, то время, когда, согласно данным геологии и геоморфологии, он составлял с Австралией одно целое или был связан с нею цепью близко расположенных островов¹⁰. Вероятнее всего, Тасмания была заселена через Австралию. В пользу такого предположения говорит близость (во многих случаях — идентичность) тасманийских и восточноавстралийских археологических материалов. Тасманийская проблема — часть австралийской проблемы. Поэтому происхождение тасманийцев и их культуры должно решаться в связи с происхождением австралийцев и австралийской культуры.

Своеобразный антропологический тип тасманийцев, прежде всего курчавые волосы, сближающие их с негроидами океанического мира, по-видимому, образовался в результате генетико-автоматических процессов внутри небольшой группы палеоавстралийцев, попавших в Тасманию много тысяч лет тому назад и затем оказавшихся в условиях изоляции. А изоляция ведет не только к антропологическому своеобразию — она является причиной социальной и культурной отсталости изолятов. В культуре отделившихся популяций не только формируются своеобразные явления, не свойственные всей этнической совокупности, от которой данный изолят отделился, но и исчезают некоторые явления, свойственные ей. Известно немало подобных примеров исчезновения культурных достижений в отделившихся и относительно изолированных популяциях. Так исчезло, например, гончарство в Полинезии, где сохранились лишь его археологические следы. Одним из таких примеров являются, по нашему мнению, и тасманийцы, культура которых не только своеобразна, но и примитивна сравнительно с общеавстралийской. Отсутствие у тасманийцев бумеранга, копьеметалки и некоторых других культурных достижений, унаследованных австралийцами, как мы полагаем, еще от их позднепалеолитических предков, является результатом изоляции первоначально небольшой этнической группы. До сих пор, несмотря на древность бумеранга в Австралии, в стране существуют этнические группы и целые районы, где с бумерангом незнакомы или только заимствуют его у соседей, но не изготавливают. Изоляция — явление многостороннее по своим последствиям и сказывающееся в сфере как биологической, так и культурно-исторической.

Рассялаясь в южном направлении вдоль Большого Водораздельного хребта, с одной стороны — по системе Дарлинга, Муррея и их притоков и вдоль восточного побережья Австра-

ли — с другой, аборигены прежде всего заселили восточные, юго-восточные и южные области материка. Сравнительно рано были освоены и западные области континента, прежде всего побережье Индийского океана от р. Де-Грей до Олбани, заселенное единой в культурном и языковом отношениях группой племен. Но и центральные области Австралии были заселены также еще в плейстоцене, хотя и позже восточных и западных. Движению этнических волн непосредственно в глубь материка способствовала, прежде всего, существовавшая в то время и частично еще сохранившаяся система р. Флиндерс с ее притоками, а затем — реки Дайамантина и Куперс-Крик, ведущие к оз. Эйр, где издавна концентрировалась группа племен, связанных культурной близостью. Со стороны зал. Карпентария, полуостровов Арнхемленд и Кимберли шло заселение Центральной Австралии. Движение этнических волн по континенту Австралии в процессе его первоначального заселения отражено в густой сети путей межплеменного обмена материальными и духовными ценностями, в распространении мифов, обрядов, обычаев и верований.

От 10 тыс. до 8 тыс. лет тому назад ледниковый период закончился и вследствие повышения уровня мирового океана от Австралии отделились Новая Гвинея, Тасмания и другие острова, ныне окружающие ее и частично еще населенные группами аборигенов. Отныне развитие австралийцев протекало в условиях относительной изоляции от остального мира. Но то обстоятельство, что в плейстоцене Новая Гвинея и Тасмания составляли с Австралией одно целое, способствовало ее заселению через Новую Гвинею и заселению Тасмании через Австралию.

Ко времени окончания плейстоцена относятся найденные в Восточной Австралии тальгайский и кохунский черепа (их возраст, согласно радиоуглеродным исследованиям, — 10—12 тыс. лет), а также обнаруженный в 1965 г. в районе Кейлора скелет из Грин-Галли (его возраст — около 8 тыс. лет) ¹¹. Если человек из Грин-Галли морфологически близок к человеку из Кейлора и как бы связывает его с современными аборигенами Австралии, то черепа из Тальгай и Кохуны, будучи также протоавстралоидными, значительно примитивнее по своему строению. Это может означать, что вслед за протоавстралоидами кейлорского типа в Австралии появились популяции протоавстралоидов тальгайско-кохунского типа. Те и другие происходили от различных локальных вариантов протоавстралоидов, сосуществовавших в плейстоцене на периферии Юго-Восточной Азии. Тогда еще сравнительно немногочисленное население Австралии было расселено небольшими изолированными группами, и локальные варианты протоавстралоидов в тех условиях могли сохраняться длительное время. Существующие в настоящее время антропологические различия между локальными вариантами аборигенов Австралии не настолько глубоки,

чтобы дать основание для предположения о их различном расовом происхождении. Варианты эти, подобно региональным вариантам в области культуры, сложились в основном уже на территории Австралии в ходе и в результате заселения континента и продолжительной взаимной изоляции отдельных этнических групп.

Позднейшее проникновение в Австралию, главным образом на север континента, иных расовых элементов — индонезийских, меланезийских и новогвинейских — не повлияло в значительной степени на антропологический тип австралийцев в целом, но обусловило некоторое антропологическое своеобразие населения Северной Австралии. Аналогичные процессы произошли здесь и в области культуры.

Уже в раннем периоде на территории Австралии наметились три крупные культурные провинции, или историко-этнографические области, — восточная, центральная и западная, — населенные этническими группами, связанными общностью происхождения и последующего хозяйственного и культурного развития.

Сравнительное исследование этнографических комплексов и их географического размещения дает возможность представить культурный облик древнейшего населения Австралии значительно полнее, чем это позволяют сделать данные только археологии. Правда, этнографические материалы можно датировать только относительно и притом очень приближенно. Указанием (хотя и не всегда бесспорным) на происхождение и древность различных элементов материальной и духовной культуры может служить их географическое расположение. Так, например, бумеранги отсутствуют в северных прибрежных областях Австралии, обращенных к внешнему миру, откуда на континент на протяжении тысячелетий проникло немало различных элементов культуры, и тяготеют преимущественно к южным областям, где, как показывает археология, с незапамятных времен сосредоточились древнейшие элементы австралийской культуры. Это может свидетельствовать о том, что и бумеранг принадлежит к таким древнейшим элементам. Традиционные пути обмена, по которым бумеранги двигались с юга на север, из центра на север и запад и в других направлениях, указывают на пути их распространения в далеком прошлом.

Распространение бумерангов различных типов показывает, что возвращающиеся бумеранги распространены в восточных и западных областях Австралии, но отсутствуют в Центральной Австралии и на Северной Территории. Здесь известны только невозвращающиеся бумеранги, которые, в свою очередь, распространены также на востоке и западе континента. Размещение возвращающихся бумерангов на территории лишь Восточной и Западной Австралии — одно из многих свидетельств древних этнокультурных связей между населением этих областей, восходящих еще ко времени первоначального заселения континента.

непта. Этот факт говорит о том, что возвращающиеся бумеранги относятся, по-видимому, к одному из самых ранних элементов австралийской культуры, а невозвращающиеся — к более поздним. Очень возможно, что первые распространились еще в эпоху первоначального заселения континента, до освоения Центральной Австралии. Позднепалеолитическая древность бумеранга, установленная археологическими открытиями, находки бумерангов и их древних изображений в Индии, на пути расселения протоавстралоидов, позволяют предполагать, что бумеранг был заимствован палеоавстралийцами у их позднепалеолитических предков, а затем постепенно распространился по Австралийскому континенту, за исключением лишь северных районов. Причем сначала распространились возвращающиеся бумеранги, а затем и невозвращающиеся. Поразительно большое количество аналогичных явлений, которые автору статьи удалось проследить путем сравнения культур Восточной и Западной Австралии¹², — явлений, отсутствующих в Центральной Австралии, — показывает, каким был культурный облик раннеавстралийского населения, какие элементы австралийской культуры можно считать наиболее древними, как расселялись австралийцы по матерiku.

Одним из важнейших орудий австралийцев является копье-металка, распространенная почти по всему континенту. Подобно бумерангу, она также впервые появилась еще в позднем палеолите.

Самые примитивные и несомненно древнейшие средства навигации — простые бревна и плоты, а также лодки, сшитые из коры, — сохранились лишь в наиболее удаленных от общения с внешним миром областях Австралии, а долбленые однодеревки, с аутригерами или без них, распространенные лишь на севере, были сравнительно поздно заимствованы австралийцами у их северных соседей.

К древнейшим элементам австралийской культуры, реконструируемым методом изучения географического их распространения, относятся, как уже сказано, копье-металка, а также метательная палка, цельные копья — простые, с острыми осколками камня и с вырезанными на конце зубцами, один или несколько типов легких составных копий, возможно — копья с каменными наконечниками, отражательный щит, из средств передвижения по воде — простые бревна и плоты, обычные и треугольные, а, возможно, также простые лодки из одного куска коры, наскальные гравюры, выполненные стилем и техникой, характерными лишь для Восточной и Западной Австралии, мотив лабиринта в его различных формах¹³, а также, возможно, спираль и концентрическая окружность. Из явлений духовной культуры, реконструируемых тоже главным образом путем установления их географического размещения, к древнейшим элементам австралийской культуры можно отнести культы

культурных героев-демиургов и женщин-прародительниц (основателей и основательниц человеческого общества и культуры), а также культ Змея (или Змен) — радуги, продуцирующие обряды (или обряды плодородия) и обряды инициации с применением священных гуделок. К древним элементам австралийской культуры могут быть отнесены также чуринги, заструженные палочки — инкульты (напоминающие инау айнов) и обычаи делать выкладки из камней, керны и сооружения из вертикальных каменных блоков. Эти древнейшие элементы австралийской культуры, обнаруженные нами на основе изучения географического распространения современных этнографических явлений, дополняют собой комплекс явлений культуры, выявленный анализом древнейших австралийских археологических культур.

Таким образом, хотя заселение Центральной Австралии относится к очень раннему времени, оно все же произошло после заселения Восточной и Западной Австралии культурно близкими этническими группами; Центральная Австралия была заселена группами, принесшими с севера несколько иные культурные традиции. Исторический, ретроспективный анализ данных этнографии позволяет установить происхождение различных явлений австралийской культуры и их относительный возраст. Большой интерес представляет, в частности, анализ этнографических мифов и легенд, в которых содержатся указания на передвижения этнических групп в далеком прошлом. Эти источники дают некоторое представление и об общественном положении австралийской женщины, которое в то время было, очевидно, выше, чем впоследствии. Анализ лингвистических материалов позволяет высказать предположение, что австралийские языки имеют единое происхождение, что они формировались на основе единой лингвистической общности и что происходило это в течение многих тысячелетий, прошедших со времени первоначального заселения Австралии.

От 7 тыс. до 4 тыс. лет тому назад в Австралии, как и во многих других областях земного шара, произошло событие, оказавшее глубокое воздействие на все последующее развитие австралийцев — охотников и собирателей, образ жизни которых в значительной мере был обусловлен естественной средой. Мы имеем в виду термический максимум и распространение пустынь на обширных пространствах Центральной и Западной Австралии. Событие это сыграло огромную роль в развитии культуры коренного населения Австралии и 5 тыс.— 3 тыс. лет тому назад привело к культурному кризису, наступление которого хорошо прослеживается на археологических материалах, относящихся ко времени, следовавшему за периодом термического максимума. С последствиями этого периода связаны явления, свидетельствующие об упадке в некоторых важных областях австралийской культуры, включая изготовление каменных орудий. С другой стороны, с ним же, точнее, с его начальным эта-

пом, связаны развитие и совершенствование деревянного охотничьего оружия, приспособленного для охоты на обширных открытых пространствах степей и пустынь, развитие деревообделочных инструментов и уменьшение их размеров (микролиты), распространение орудий на рукоятях; некоторые орудия становятся все более универсальными (такова, прежде всего, копьёметалка, оснащенная каменным инструментом — долотом тула).

К периоду термического максимума относятся череп из Моссгила (его возраст — не менее 4625 лет) и костные останки из Тартапга (от 6 тыс. до 4700 лет) и Девон-Даунса (около 4 тыс. лет)¹⁴. Первая из этих находок сделана на западе Нового Южного Уэльса, остальные — в низовьях Муррея. Череп из Моссгила морфологически находится еще в ряду антропологических типов, к которому принадлежат черепа из Тальгая и Кохуны, и это свидетельствует, что тальгайско-кохунский антропологический тип, претерпевая изменения, еще длительное время сохранялся в отдельных районах Австралии.

С эпохой, следовавшей непосредственно за ледниковым периодом и включающей время термического максимума и так называемый малый ледниковый период (3500—3000 лет), связан этап австралийской культуры, который мы называем средним периодом. Археологические культуры среднего периода являются ярким свидетельством дальнейшего развития культуры австралийцев. В это время появились долота тула, острия пирри и бонди, геометрические микролиты¹⁵. Начинают распространяться топоры с подшлифованным лезвием. На многих культурах того времени лежит печать успешного активного приспособления к меняющейся естественногеографической среде.

Наиболее ранняя культура среднего периода — культура Тартапга (Южная Австралия). Хронологические ее границы — от 8800 ± 120 лет до 6030 ± 120 лет¹⁶. Следующей по времени культурой внутренней Австралии была культура Пирри. Нижняя граница острей пирри в стоянке Фроммс-Лендинг имеет возраст 4850 ± 100 лет, а верхняя 3756 ± 85 лет¹⁷. Одновременно на востоке Австралии развивалась культура Бонди¹⁸. Обитая на периферии континента, отрезанные от населения остальной Австралии Большим Водораздельным хребтом, носители этой культуры несколько отстали в темпах культурного развития, отчего и средний период начался здесь позже, чем в Южной Австралии, — около 4 тыс. лет. В известной мере культуры среднего периода все еще отражают культурные влияния, идущие из Азии через Индонезию и Новую Гвинею. Однако процесс эндогенного развития выступает теперь гораздо определеннее, чем прежде.

Наступление культурного кризиса отразилось на заключительной фазе среднего и всего позднего периода: постепенно прекратилось изготовление острий пирри и геометрических мик-

ролитов, местами возобновилось изготовление грубых арханчских орудий. Но наряду с этим продолжалось и все шире распространялось изготовление шлифованных топоров, разнообразных орудий из кости и дерева. Сочетание техники изготовления острий пирри с древней техникой пильчатой ретуши привело не позднее 1500—2000 лет на севере Австралии к изготовлению замечательных наконечников типа кимберли. Техника эта развилась на австралийской почве, а не была заимствована в готовом виде из Индонезии, как думают некоторые ученые.

Культура Пирри охватывает обширную историко-этнографическую область, связанную в основном с Центральной Австралией. Культура Бонди и другие культуры Восточной Австралии были связаны с восточной культурной областью, ограниченной Большим Водораздельным хребтом и Тихим океаном. Но и здесь и там наблюдались сходные тенденции культурного развития. Большую роль в этом играл межплеменной обмен материальными и духовными ценностями, развитие этнокультурных связей.

Поздний период, продолжавшийся вплоть до начала европейской колонизации, представлен многочисленными местонахождениями культур Мурунди, Элоуэра, Оэнпелли и многих других. Культурный сдвиг, связанный с наступлением позднего периода, был явлением сложным и противоречивым. С одной стороны, на нем отразились последствия культурного кризиса, замедлившие темпы культурного развития и даже приведшие к утрате ряда достижений среднего периода. С другой — развитие культуры аборигенов продолжалось, возросло количество орудий типа элоуэра, появились новые специализированные типы орудий, такие, как ножи леилера на удлинённых призматических пластинах. Местами развивалась хозяйственная специализация, связанная с рыболовством и собиранием моллюсков.

На нижнем Муррее хронологическая граница между культурами среднего и позднего периодов проходит примерно 2—3 тыс. лет тому назад, а к востоку от Большого Водораздельного хребта, в восточной культурной области, — примерно 1 тыс. лет тому назад.

Изучая археологические материалы, мы обнаруживаем на протяжении всего среднего и позднего периодов определенную преемственность в развитии материальной культуры внутри восточной и центральной культурных областей. Внутри этих больших ареалов все определеннее, особенно в позднем периоде, выступает своеобразие отдельных культурных провинций. Складываются самостоятельные историко-этнографические области на территории Арнхемленда и Кимберли.

Культура аборигенов Австралии в позднем периоде характеризуется сочетанием палеолитических и мезолитических традиций с некоторыми элементами раннего неолита, к которым

относится, прежде всего, топор, отшлифованный по рабочему краю. К концу позднего периода австралийская культура в техническом отношении стояла накануне неолита, но еще не преодолела эту грань.

На протяжении среднего и позднего периодов в Австралии помимо упомянутых выше каменных орудий, появился ряд новых культурных достижений. Одни из них имели автохтонное происхождение, другие проникли из окружающего мира. По-видимому, независимо от внешних влияний в Австралии появились лодки, сшитые из нескольких кусков коры, метательные палки и копьеметалки с рукоятью из смолы и вставленным в нее каменным долотом — достижение этнических групп, населявших внутренние области Австралии в эпоху термического максимума. Резким изменением природных условий можно объяснить и появление обуви в некоторых районах внутренней Австралии. В среднем периоде, по мере того как Центральная Австралия все более превращалась в открытую степь, лишенную лесного покрова, здесь все шире распространялись невозвращающиеся бумеранги, которые, вероятно, существовали и раньше, но не были так широко распространены. Позднее появились палицы. В том же периоде в связи со все более широким применением копьеметалок возникают новые типы копий и распространяются широкие щиты для защиты от них.

К наиболее важным культурным заимствованиям, распространившимся на побережье Северной Австралии на протяжении нескольких последних столетий, относятся лодки-долбленки с аутригером (на п-ове Кейп-Йорк) и с парусом (в Арихемленде и Кимберли), а также гарпуны. Кроме того, на северную оконечность п-ова Кейп-Йорк проникли лук и стрелы, а в Северо-Восточный Квинсленд — материя из луба (тапа). Но все эти заимствования не отразились на характере австралийской культуры в целом.

Мы знаем теперь, что к началу колонизации основным типом этнической общности у австралийцев была этническая группа, или племя, а основными структурными единицами австралийского общества — локальные группы, или общины, из которых и состояли этнические группы. К этому можно добавить, что общности более высокого порядка, как, например, союзы племен, в Австралии — явление крайне редкое. По-видимому, этническая группа — основной, ведущий тип этнической общности на уровне раннеродового строя, типичным примером которого и было австралийское общество к началу европейской колонизации.

Настоящая статья является опытом синтетического, комплексного исследования этногенеза австралийцев и истории их самобытной культуры на основе широкого привлечения и предварительного анализа самых разнообразных источников. Приведенные материалы говорят о том, что, несмотря на крайне не-

благоприятные условия, в которых протекал процесс этногенеза австралийцев,— относительную (но не абсолютную!) изоляцию, резкое ухудшение природных условий в голоцене и обусловленный этим культурный кризис,— полное противоречий развитие австралийской культуры продолжалось на протяжении всей их истории.

Становление австралийского общества и его культуры — это не только формирование конкретного этноса, но вместе с тем и одна из страниц всемирно-исторического процесса становления человеческого общества и общечеловеческой культуры. В этом большое познавательное и теоретическое значение проблемы этногенеза аборигенов Австралии. Австралийцы, как мы уже знаем, в значительной степени унаследовали антропологические особенности своих позднепалеолитических предков — протоавстралоидов. В этом смысле они уникальная раса. Но они интересны не только этим. Относительная изоляция, которая способствовала сохранению их антропологического типа, способствовала также сохранению некоторых древнейших явлений человеческой культуры. В большей мере, чем какой-либо другой народ, австралийцы донесли до наших дней некоторые элементы культуры человечества на одном из ранних этапов ее формирования — на стадии позднего палеолита и мезолита. В первую очередь именно австралийцы дают нам материал для реконструкции человеческой культуры на этом этапе. И, проследив формирование австралийской культуры, главным образом материнской, расчленив явления австралийской культуры на имеющие наибольшую древность и возникшие позднее, реконструировав древний культурный пласт, принесенный в Австралию много тысячелетий тому назад еще палеоавстралийцами, нам легче судить о культурном облике человечества в ту далекую эпоху.

¹ W. G. Solheim, The present status of the Paleolithic in Borneo, — «Asian Perspectives», vol. 2, 1960, № 2, стр. 83—90.

² R. Shutler, Radiocarbon dating and man in Southeast Asia, Australia, and the Pacific, — «Proceedings of the 11-th Pacific science congress», Tokyo, vol. 9, 1966, Prehistory and archaeology, стр. 5.

³ G. H. Dury, Australian geochronology, — «The Australian Journal of Science», vol. 27, 1964, № 4, стр. 103—109.

⁴ «Recent Australian radiocarbon dates», — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», Canberra, vol. 2, 1966, № 3, стр. 23—24.

⁵ В. Р. Кабо, К вопросу о происхождении австралийцев и древности заселения Австралии, — «Вопросы антропологии», 1961, вып. 7, стр. 92.

⁶ «Recent Australian radiocarbon dates», — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», Canberra, vol. 2, 1967, № 6, стр. 25—26, 30—31.

⁷ A. Gallus, Excavations at Koonalda cave, South Australia, — «Current Anthropology», vol. 9, 1968, № 4, стр. 324—325.

⁸ C. White, Early stone axes in Arnhem Land, — «Antiquity», vol. 41, 1967, № 162, стр. 149—152.

⁹ См., например: С. А. Токарев, С. П. Толстов, Народы Австралии и Океании, М., 1956, стр. 70—71.

¹⁰ G. Reber, Aboriginal carbon dates from Tasmania, — «Mankind», vol. 6, 1956, № 6, стр. 264—268.

¹¹ N. W. G. Macintosh, Fossil man in Australia with particular reference to the 1965 discovery at Green Gully near Keilor, Victoria, — «The Australian Journal of Science», vol. 30, 1967, № 3, стр. 86—98.

¹² Подробнее об этом см. в работе автора «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии» (М., 1969).

¹³ В. Р. Кабо, Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема этногенеза австралийцев, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», Л., т. 23, 1966, стр. 254—267.

¹⁴ N. W. G. Macintosh, The physical aspect of man in Australia, — in: R. M. and C. H. Berndt (ed.), Aboriginal man in Australia, Sydney, 1965, стр. 51—55, 64.

¹⁵ Об этих и других типах каменных орудий австралийцев см.: В. Р. Кабо, Каменные орудия австралийцев, — «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов» («Труды Института этнографии»). М.—Л., т. 80, 1962, стр. 3—106.

¹⁶ N. B. Tindale, A dated Tartangan implement site from Cape Martin, south-east of South Australia, — «Transactions of the Royal Society of South Australia», vol. 80, 1957, стр. 109—123.

¹⁷ D. J. Mulvaneу, The stone age of Australia, — «Proceedings of the Prehistoric Society», Cambridge, vol. 27, 1961, № 4, стр. 76, 101.

¹⁸ F. D. McCarthy, The Lapstone Creek excavation: two culture periods in Eastern New South Wales, — «Records of the Australian Museum», vol. 22, 1948, № 1, стр. 1—34.